

УДК 94(322).180

Кузнецова Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры Философии, истории и межкультурных коммуникаций Московского технического университета связи и информатики

E-mail: olg1845@yandex.ru

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Статья посвящена внутреннему положению России в начале XX века. Поскольку данная проблема имеет обширную историографию, то автор решила взглянуть на нее глазами французских представителей в российской столице. Обращает на себя внимание тот факт, что воспоминания французского посла в Петербурге Мориса Бопара не столь известны, как дневники его преемника на этом посту Мориса Палеолога, именно по этой причине они легли в основу данного исследования. Автор приходит к выводу, что информация, передаваемая французскими дипломатами и военными объективно отражала процессы, происходившие в стране их пребывания.

Ключевые слова: Морис Боомпар, Россия, внутреннее положение, революция 1905 года, дипломаты, военные атташе.

Kuznetsova Olga Nikolaevna — PhD in History, Associate Professor, Department of Philosophy, history and intercultural communications of Moscow Technical University of Communications and Informatics

E-mail: olg1845@yandex.ru

THE RUSSIAN EMPIRE ON THE EVE OF THE 1905 REVOLUTION THROUGH THE EYES OF THE FRENCH REPRESENTATIVES

The article is devoted to the internal situation of Russia in the early twentieth century. Since this problem has an extensive historiography, the author decided to look at it through the eyes of French representatives in the Russian capital. Noteworthy is the fact that memories of the French Ambassador in St. Petersburg Maurice Bopar not as well known as the diaries of his successor on this post Maurice Palaeologus, for this reason, they formed the basis of this study. The author comes to the conclusion that the information transmitted by the French diplomats and military objectively reflected the processes that took place in their country of residence.

Keywords: Maurice Boomer, Russia, the internal situation, the revolution of 1905, diplomats, military attaches.

XIX – начало XX в. – особая эпоха в европейской и во всей мировой истории. Страна за страной вступали в эпоху промышленных переворотов, под напором революций и массовых народных движений ломались обветшавшие средневековые социально-экономические и политические структуры, вырисовывались контуры будущего гражданского общества.

Россия к началу XX в. в результате высоких темпов модернизационных процессов в одних сферах экономики и их незавершенности в других

находилась в переходном состоянии от традиционного к современному обществу, что обуславливало крайнюю противоречивость ее развития. Перед страной стояли главные задачи – продолжение экономических и политических преобразований, причем последние явно выходили на первый план. Все это привлекало пристальное внимание со стороны иностранных дипломатов, аккредитованных в Санкт-Петербурге.

По словам французского посла в российской столице Мориса Бомпара, «внутренние беспорядки причиняли в это время серьезное беспокойство русскому правительству»¹.

По его сведениям, «уже давно происходили студенческие волнения в университетах, а также в промышленных центрах. Одни носили сугубо политический характер, участники других предъявляли требования экономического порядка. Конечно, они не нравились правительству, но они его пока не волновали. Сильно разобщенные, они быстро заканчивались, тем более что не составляло особого труда подавить их энергичными мерами. Только при одном подавлении, по признанию самих властей, было 128 жертв. Но студенты и рабочие не мыслили по-разному, и первые выдавали последним, авансы, которые были услышаны. Это было хорошо видно в марте 1901, когда рабочие, по призыву студентов, сосредоточились в компактном блоке от десяти до двадцати тысяч демонстрантов и прошли по Невскому проспекту, в колонне, разделенной, между двумя рядами любопытных, озадаченных этим зрелищем, на глазах у полиции, правда, не давая ей повода для вмешательства. Они хотели в этот день только произвести впечатление на власть своим количеством и своей дисциплиной»².

Но вот в 1903 г. крестьяне вступают в игру. Их претензии — общественный порядок; в основном, они требовали землю. Это движение, начавшееся еще в 1902 г., сурово подавлялось. Оно возрастало, и в 1903 грозило превратиться в крестьянскую войну (жакерию – как ее называл Бомпар). Правительство, наученное опытом, оценило эту угрозу, на этот раз репрессии должны были сочетаться с реформами. По мнению г-на Бомпара, не без подстрекательства министра внутренних дел В. К. Плеве, император опубликовал 12-ого марта 1903 года манифест, обещавший крестьянам не землю, а улучшение их доли.

Режим совместного пользования крестьянской землей, коллективизм крестьян были специально сохранены. Посол отмечал, что «это было

¹*Bompard M. Mon ambassade en Russie 1903–108. Paris, 1937. P. 8-9.*

²*Idem. P. 9*

странное положение дел, которое вело к удовлетворению собственников, само собой разумеется. Они-то сохранили свои владения в частной собственности. И сильно дорожили тем, чтобы крестьянин не мог индивидуально стать собственником земли, и был ограничен коллективизмом в аграрном секторе»³. Напрасно посол предпринимал несколько попыток убедить некоторых из представителей властей в неуместности сосуществования этих двух способов пользования землей в одной и той же стране. «Кончать надо с этим, – говорил я им, – переходить к другой форме, и если Вы будете удерживать Ваши надель, то Вы тем самым опередите революционеров и разовьете у крестьянина вкус к тому, что имеете сами, к частной собственности на землю»⁴.

Ему неизменно отвечали, что частная собственность у крестьян неизбежно и очень быстро приведет к неравенству между ними и создаст, таким образом, в России сельский пролетариат, который был одним из слоев западного общества. Тогда как в условиях *мира* («так называлась в России сельская коммуна» — прим. М.Б.), сельский пролетариат не существовал; напротив, в крестьянской среде шли слухи о том, что его образование обострит социальную напряженность.

В своих воспоминаниях г. Бомпар отмечает, что, таким образом, *мир* был сохранен. При этом, по его словам, император пытался устранить одно из его наиболее тягостных последствий: коллективную крестьянскую поруку при уплате налогов. Также было объявлено и о другой значительной реформе, послабления для крестьян выхода из своего общественного класса, т.е. освободиться индивидуально от работы на земле, как в 1861 г. их освободили от службы своему сеньору.

Все эти реформы, среди которых мемуарист выделяет наиболее значимые, были только обещаны; они остались мертворожденными. В течение этого времени аграрные беспорядки все больше и больше продолжались; они особенно беспокоили власти, потому что войска разделяли популярные идеи и не могли быть верными, когда речь шла о действиях против крестьян. Так, например, в Туле в 1902 г., сержант отказался дать приказ своему подразделению стрелять в народ; полковник, сделавший вид, что всадит ему пулю в лоб, был убит своими собственными солдатами ударами штыков⁵.

³Idem. P. 10.

⁴Idem. P. 9-10.

⁵Idem. P. 10.

Не менее серьезные беспорядки происходили и в промышленных центрах. Вот несколько выдержек из отчета, который посол сделал Делькассе в августе 1903 года. «Забастовки полыхают со всех сторон ... На берегах Черного и Каспийского Морей, на всем юге России и в Закавказье, они умножаются, и, прежде всего, становятся всеобщими ... Чаше всего требования бастующих остаются не ясными; они носят как политический, так и профессиональный характер, не уточняя ни один пункт; они свидетельствуют о состоянии недоумения народа, но не отвечают его чаяниям. В этих условиях забастовка является минусом рабочего движения, чем начало бунта против общественного порядка; поэтому часто она носит криминальный характер: в Сосновице, в мае 1902, инженер был убит рабочим, а в феврале 1903 мастер; в январе 1903 заводы бастовали в Лодзи и в Батуми; в Батуми, за последний месяц, около шестидесяти шахт охвачены забастовками и большое количество других потерь смытых струей в систему труб. Те из представителей власти, кто использовал репрессии, не избавлялись от угрозы после нанесенного удара, так как месть их настигала; сначала этот был губернатор Вильно, который был убит, в другой раз – губернатор Уфы, которого достигли пули; ... происходят волнения, за последние месяцы только покушения на господина Плеве не были совершены. Верно, что репрессии в отношении университетов и рабочего движения всегда жестоки и нередко кровавы... Только за этот год власти прибегли к вооруженной силе в Ростове, в Златоусте (80 жертв), в Одессе (100 убитых), в Михайлово (40 жертв), в Тифлисе, в Баку и в Николаеве; в Киеве стреляли в бастовавших мужчин, женщин и детей, лежавших на путях и мешавших движению поездов»⁶.

Если с началом войны с Японией военные действия в Маньчжурии приносили только огорчения друзьям России, то ситуация внутри империи вызывала большие опасения. «Все классы общества», – писал Бомпар Делькассе – «находятся в возбужденном состоянии. Неделимость земли в сельских районах, которые еще недавно были гордостью русских экономистов, делали крестьян готовой добычей для агитаторов, численность которых росла, выдвигали ряд требований для общины, в противном случае сами силой захватывали дворянские поместья. Пролетариат, формирование которого началось несколько лет назад, сразу продемонстрировал свою революционность, и выдвинул свои требования, выраженные в наиболее жестокой форме. Учащиеся школ, выходцы,

⁶Idem. P. 10-11. В публикации французских дипломатических документов этого отчета не обнаружено.

по большей части, из достаточно бедных кругов, являлись рассадниками анархистов, и наиболее умеренные молодые люди, которые выходили из университетов, если они не принимали непосредственного участия, то, по крайней мере, аплодировали покушениям террористов; торговцы, в которых все были готовы видеть третье сословие, состояли, за исключением нескольких очень почетных деятелей в больших городах России, из хищников - спекулянтов и нескольких добросовестных элементов; дворянство фрондировало, кипело и, однако, было лишено практической сметки; бюрократизм являлся одним из бедствий страны. Таково было положение дел в общественном устройстве»⁷.

Французский дипломат пытался объяснить эту ситуацию следующим образом: «нынешние несчастья, казалось, происходили в силу того, что предстояло пройти еще долгий путь, чтобы определить свою судьбу, русский народ, казалось, хотел выбрать не то направление, в котором Петр Великий двигал руководящие классы стран. В последующем нация, формирование которой происходит в странной тревоге, постепенно придет к своей рациональной конституции»⁸.

Хорошо известно, по какому пути пошла Россия тринадцать лет спустя, после того, как были писаны эти строки. Ее движение, к сожалению, не было постепенным, как надеялся их автор, но революционным. Француз дорожил, однако, заключением, которое он дал в своем довольно привлекательном очерке и захотел его воспроизвести, в качестве выражения новой надежды, тридцать лет спустя, после того как оно было сформулировано: «Пускай друзья русских успокаиваются! Россия найдет свое место и останется державой, которая будет все более и более удерживать определенное равновесие в развитии старого континента»⁹.

Автор подчеркивает, что он не мог тогда, не может и в момент написания мемуаров предсказать, сколько времени потребуется для внутреннего процесса трансформации общества, но он остерегается, главным образом, дать прогноз насчет формы организации общества, к которым он приведет. В эпоху, о которой он повествует, эта работа не проявлялась, хотя одно всеобщее недовольство существующей властью, по его мнению, и давало повод к возрастанию аграрных, рабочих и революционных беспорядков в стране.

⁷Idem. P. 61

⁸Idem. P. 61-62

⁹Idem. P. 62.

По его мнению, аграрные беспорядки больше беспокоили, потому что они немедленно приводили к общественным потрясениям. Они принимали форму погромов частных усадеб и часто поджога сельскохозяйственных построек. Эти грабежи становились все более и более частыми и наводили ужас на собственников; за пределами России были взволнованы этими сообщениями.

Рабочие беспорядки чаще всего принимали форму забастовок. Если, во Франции, забастовки, сами по себе не являлись беспорядками, они их в большинстве случаев провоцировали, то в России они принимали оборот, ввиду которого коллективное правонарушение фигурировало еще в российском законодательстве. Вследствие этого поначалу бастующие рассматривались в качестве мятежников со всеми соответствующими для себя последствиями. Автор заостряет внимание на парадоксальной ситуации, сложившейся в России. Полиция, которая, согласно закону, должна была рассматривать бастующих в качестве правонарушителей, напротив, делалась их сообщником в крупных промышленных центрах. Русская полиция, действительно, рассматривалась, прежде всего, как политическая организация, не имеющая права всеми средствами обеспечивать защиту правительства. Это положение развивал генерал Трепов в Москве, насаждая тайных агентов, которых полиция внедряла в рабочие круги. Настоящие агенты-provokatory становились во главе всех движений против хозяев и принуждали их идти на уступки. Авторитет, который они, таким образом, приобрели среди рабочих, и который стоил этого доверия, позволял распознать среди них тех, кто оставался неизменным в профессиональном плане, и тех, кто, напротив, продолжал преследовать революционные цели. На этих последних постоянно доносили, они арестовывались, затем ссылались в Сибирь или на север России, в то время как доверие агентов не имело границ. Полиция, оказывая иногда энергичное давление на хозяев, добивалась преобладания экономических требований над другими. Эта система, как сообщает автор, начала функционировать в Москве с тайного агента по имени Сергей Зубатов, а затем распространилась и на другие промышленные центры, в частности в Одессе, а также в Санкт-Петербурге, где все увидели ее функционирование в январе 1905 г., самым кровавым образом.

В своих воспоминаниях французский дипломат пишет о том, что «революционные беспорядки имели определенные традиции в России,

в основном они заключались в покушениях террористов, направленных против представителей власти всех уровней»¹⁰. Авторы покушений чаще всего были молодые люди — выпускники русских университетов, где они узнавали обо всех общественных утопиях, которые пускали ростки и на школьных скамьях. Те кто, по окончании обучения не могли найти применение полученным знаниям, которые они приобрели, и носителями которого они были, переоценивали свои возможности и охотно создавали революционные объединения или организовывали покушения. По словам французского наблюдателя, покушения были направлены, как правило, против аристократии, меньше против самого государя, который был, по его мнению, не более чем вывеской. Все это приводило к увеличению числа чиновников, которых самодержавие разводило, и которые функционировали, действительно, без контроля и ответственности. Дипломат подчеркивает, что он «имел возможность, в течение некоторого времени, просматривать публикации в газетах о количестве покушений со смертельным исходом, о которых печать была уполномочена сообщать, и жертвами которых становились чиновники любых рангов, от министров и губернаторов до подчиненных агентов». По его подсчетам их выходило в среднем до двадцати в месяц.

По сведениям французского дипломата, кроме организаций внутри страны, террористы имели также ряд «представительств» за границей, в частности, в Париже и Берлине, состоявшие из нигилистов, излишне скомпрометировавших себя, чтобы оставаться в России, и которые там успешно скрывались. Это они будоражили все слои общества наиболее громкими покушениями. «Не верьте, что русское правительство никогда серьезно не просило французское или немецкое правительства рассеивать членов этих организаций; кажется, Николай просил Вильгельма задерживать их в Берлине, поскольку этим он окажет ему услугу, сохранив их, в то время как будет иметь удовольствие очищать Германию» — призывает автор своих читателей. По его словам, русская полиция опасалась, что если террористы удалятся из Германии, то они перенесут оперативный штаб в другие страны, где они смогут уйти из-под наблюдения, в то время как оно было восхитительно организовано в Берлине. В Париже также один из больших полицейских чинов, по фамилии Рачковский, удерживал в руках всех потомков конспираторов-нигилистов, благодаря внедрению в организацию террористов своих агентов, одним из них

¹⁰Idem. P. 63.

стал Азеф, который был одним из наиболее горячих членов. Дипломат пишет, что именно благодаря его информации, многие подготовленные покушения были раскрыты.

Когда все без исключения покушения стали терпеть неудачу, то террористы начали подозревать о присутствии в своих рядах предателя, и, в конце концов, узнали, что это был Азеф, но это случилось не скоро. Для того чтобы не выдать его, пришлось позволить осуществить несколько удачных покушений, равно как и полиция промышленных центров добивалась осуществления забастовок; но, отход от ремесла террориста был труден, ввиду того, что они все были преступниками. Хорошо разобравшись в тех, кто преуспел и в тех, кто потерпел неудачу, француз пришел к выводу о принципах, на которых основывалась эта дискриминация, но так как она базировалась исключительно на умозаключениях, то они частично были предположительные. По его словам, он предпочел не упоминать об этом, чтобы не рисковать, в таком щекотливом вопросе, в суждении, которое могло бы быть ошибочным. По мнению автора, в результате, покушения, совершенные в 1902 г. против Сипягина, в 1904 г. против Плеве и в 1905 г. против великого князя Сергея Александровича были делом рук тех, кто не был уничтожен в зародыше.

Район западных границ причинял дополнительное военное беспокойство России и Двойственному союзу с 1905 г. В ходе революционных беспорядков и конституционных надежд на автономию осенью 1905, в Польше также начались волнения, и пошли разговоры о польской автономии. Агитация наблюдалась также и в Галиции и в Познани. Французский военный атташе полковник Мулен до некоторой степени был обеспокоен, возможными совместными действиями Германии, России и Австрии в Польше. Эти действия могли бы улучшить отношения между тремя империями. С другой стороны, если бы Россия предоставила автономию Польше, это создало бы угрозу для спокойствия в Германии, и Франция могла оказаться втянутой в войну с Германией в союзе с ослабленной Россией.

Если бы война разразилась, то польская автономия создала бы военные проблемы. Было бы проблематично для России при автономии Польши использовать польские контингенты в составе русской армии, и Польша вряд ли бы согласилась на строительство и использование стратегических железных дорог, или же она воздвигла бы военно-финансовые границы, отсутствовавшие до сих пор, и не разрешила бы проводить реквизиции. Русские войска в Польше оказались бы в большей степени

чужими, чем прежде. Существовала угроза от многочисленных мечтаний об автономии, имевших место в Литве и на Украине.

Начальник Генерального штаба России Палицын уверял полковника Мулена в том, что опасности нет. Генеральный штаб искренне верил, что Польше ничего не будет обещано. Все польские стремления, энергично были отклонены Думой. Россия осталась единой и неделимой. Мулена также уверили в том, что польские резервисты, которых отберут для усиления русских полков в Польше, в случае мобилизации будут абсолютно надежны. Их моральное состояние будет исключительным, если они станут сражаться с немцами, поскольку у них есть старые счеты с Пруссией. Они понимают, что Польша будет процветать только при русских таможенных барьерах против Германии. «Правительство абсолютно было уверено в лояльности поляков, в случае войны с Германией»¹¹. – писал военный атташе в Париж военному министру.

Кроме того существовала напряженная ситуация в балтийских провинциях. Там также происходили беспорядки. «Вследствие этого эстонские восставшие матросы были отправлены в дисциплинарные батальоны, которые действовали в балтийских провинциях против инсургентов»¹², – отмечал в одном из своих донесений французский представитель.

С французской точки зрения, было бы желательно умиротворить эти провинции. В течение долгого времени эти территории были объектом пангерманских мечтаний. Местные немцы восхищались рейхом и ставили портрет императора Вильгельма рядом с изображением Николая II. Разногласия между местным крестьянством и немцами облегчали задачу российской администрации, но также создавали и трудности. Удовлетворив беднейшее население, значительно урезав права друзей Германии, с другой стороны, сохранив права немцев предназначенных для оставшегося населения для горячих благодарностей в адрес их лендлордов. Это все могло привести к новым тревогам и возобновлению интриг пангерманцев. В любом случае дверь оставалась открытой для интриг кайзера Вильгельма.

Мулен заостряет внимание на том, что «Россия потеряла флот. В случае восстания в прибрежных провинциях были бы необходимы транспортные суда для войск при охране побережья. Местная автономия в равной степени парализовала бы коммуникации и благоприятствовала бы

¹¹Luntinen P. French Information on the Russian War Plans. 1880-1914. Helsinki 1984. P. 104.

¹²Ibid.

противнику». Таким образом, существовала угроза германского десанта и оккупации русской территории, которая угрожала бы столице и коммуникациям русской армии. И Россия не имела никаких средств, дабы опередить противника.

Оппозиция, спровоцированная политикой генерал-губернатора Бобрикова, возникла в Финляндии одновременно с русской революцией осенью 1905. Она приняла характер всеобщей стачки, которая парализовала русские войска в Великом Княжестве. Для предотвращения антирусского бунта и социальной революции преемник убитого Бобрикова новый генерал-губернатор князь Оболенский пообещал восстановить финскую автономию и демократическое национальное представительство (однопалатный парламент, всеобщее избирательное право без разделения полов). Новый финский Сенат (правительство) пытался также восстановить собственную финскую армию вместо прежнего военного налога. «Но естественно — в свете сказанного о Польше и балтийских провинциях — бунтовщики финны не создали своей армии. Вместо этого они продолжали платить военный налог, который ежегодно увеличивался до 20 миллионов марок к 1920». Финские протесты вынудили Петербург провести русификацию финского парламента и высшей администрации. Однако, законодательные органы не были русифицированы, поскольку русские не знали финского, а финны не могли учить русский. Военные власти и правительство были обеспокоены возможной финской вооруженной оппозицией, которая задумывалась, но не возникла. Русские жандармы фабриковали документы об огромной секретной организации, занимающейся контрабандой оружия и планами повстанческой войны. Третья стрелковая бригада была расквартирована в Финляндии в 1908 для поддержания русской оккупации, и были готовы планы военной интервенции.

На ту же проблему обращает внимание и Бомпар в своих воспоминаниях. «В политическом плане мы повсюду отмечали расовые или национальные конфликты: здесь армяне полные готовности осаждать и убивать губернаторов; там финны, этот народ послушный и спокойный среди всех, празднует убийство генерала Бобрикова как большой праздник. В другом месте, балтийские народности, как говорят здесь, может быть не менее экспансивные и враждебные; что касается поляков, то для них русские неудачи являются победами. И повсюду немного евреев,

ненавидимые и все же необходимые, злобные сами по себе, грабящие народ и подкапывающие авторитет властей»¹³.

Как видим, помимо всего прочего французские дипломатические и военные представители в российской столице пристальное внимание обращали и на внутреннее положение в Российской империи, которое беспокоило союзницу не менее военных неудач на полях Маньчжурии.

ЛИТЕРАТУРА

Гончарова, Татьяна Николаевна. Французские дипломатическая и консульская службы в России (1814–1848). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2009.

Гончарова, Татьяна Николаевна. Посольство Франции в Санкт-Петербурге (1814–1848 гг.) // Санкт-Петербург — Франция. Наука, культура, политика. (Серия «Санкт-Петербург и мир»). Санкт-Петербург: Изд-во «Европейский дом», 2010. С. 68–84.

Гончарова, Татьяна Николаевна. Французские «первооткрыватели» российского пространства: консульские представители (1814–1848 гг.) // Санкт-Петербург — Франция. Наука, культура, политика. (Серия «Санкт-Петербург и мир»). Санкт-Петербург: Изд-во «Европейский дом», 2010. С. 85–100.

Гончарова, Татьяна Николаевна. Консульская служба Франции в России: от основания до 1814 г. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2009. № 3. С. 61–68.

Первая революция в России.: взгляд через столетие / Отв ред. А. П. Корелин, С. В. Тютюкин. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

Ушаков, Владимир Александрович, Евсеев М. Ю., Петрова А. А., Вахромеева О. Б., Сохор Т. Е. Европейские и азиатские страны глазами иностранцев (XIX – начало XX в.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41 (3). С. 642–649.

Ушаков, Владимир Александрович. Россия в трактовке иностранца: формирование представлений и стереотипов. Книга 1. Государство и правители. Санкт-Петербург: ООО «Полтораки», 2010.

Ушаков, Владимир Александрович. 1914 год: вступление России в мировую войну (по материалам дневника Мориса Палеолога) // Чтения по военной истории. Сборник статей. Под ред. Е. В. Ильина. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 177–183.

Vompard, Maurice. Mon ambassade en Russie 1903-1908. Paris: Plon, 1937.

¹³*Vompard M.* Mon ambassade en Russie. P. 61

Luntinen, Pertti. *French Information on the Russian War Plans, 1880-1914*. Helsinki, 1984.

Paléologue, Maurice. *Un grand tournant de la politique mondiale (1904-1906)*. Paris: Plon, 1934.

REFERENCES

Bompard, Maurice. *Mon ambassade en Russie 1903-1908*. Paris: Plon 1937.

Goncharova, Tat'jana Nikolaevna. *Francuzskie diplomatskaja i konsul'skaja sluzhby v Rossii (1814–1848) [French diplomatic and consular services in Russia (1814–1848)]*. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoričeskikh nauk. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. Sankt-Peterburg Publ., 2009. (In Russian)

Goncharova, Tat'jana Nikolaevna. Posol'stvo Francii v Sankt-Peterburge (1814–1848) [Embassy of France in St. Petersburg], in *Sankt-Peterburg — Francija. Nauka, kul'tura, politika [St. Petersburg—France. Science, culture, politics]*. (Serija «Sankt-Peterburg i mir»). Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Evropejskij dom» Publ., 2010. P. 68–84. (In Russian)

Goncharova, Tat'jana Nikolaevna. Francuzskie «pervootkryvateli» rossijskogo prostranstva: konsul'skie predstaviteli (1814–1848) [French «pioneers» of the Russian space: consular representatives], in *Sankt-Peterburg — Francija. Nauka, kul'tura, politika [St. Petersburg—France. Science, culture, politics]*. (Serija «Sankt-Peterburg i mir»). Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Evropejskij dom» Publ., 2010. P. 85–100. (In Russian)

Goncharova, Tat'jana Nikolaevna. Konsul'skaja sluzhba Francii v Rossii: ot osnovanija do 1814 goda [Consular service of France in Russia: from the foundation until 1814], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejšego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary history]*. 2009. № 3. P. 61–68. (In Russian)

Luntinen, Pertti. *French Information on the Russian War Plans, 1880-1914*. Helsinki, 1984.

Paléologue, Maurice. *Un grand tournant de la politique mondiale (1904-1906)*. Paris: Plon, 1934.

Pervaja revoljucija v Rossii.: vzgljad cherez stoletie [The First Revolution in Russia: a vision through the century]. Edited by A. P. Korelin, S. V. Tjutjukin. Moscow: Pamjatniki istoričeskoj mysli Publ., 2005. (In Russian)

Ushakov, Vladimir Aleksandrovich, Evsev'ev M. Ju., Petrova A. A., Vahromeeva O. B., Sohor T. E. Evropejskie i aziatskie strany glazami inostrancev (XIX – nachalo XX v.) [European and Asian Countries through the Eyes of Foreigners (in 19th – beginning of

20th century), in *Bylye gody. Rossijskij istoričeskij žurnal* [«Bylye gody». *The Russian Historical Journal*]. 2016. № 41 (3). P. 642–649. (In Russian)

Ushakov, Vladimir Aleksandrovich. *Rossija v traktovke inostranca: formirovanie predstavlenij i stereotipov* [Russia in the vision of a foreigner: formation of ideas and stereotypes]. Kniga 1. Gosudarstvo i praviteli. Sankt-Peterburg: OOO «Poltorak» Publ., 2010. (In Russian)

Ushakov, Vladimir Aleksandrovich. 1914 god: vstuplenie Rossii v mirovuju vojnu (po materialam dnevnika Morisa Paleologa) [Russia's entry into the world war (based on the diary of Maurice Paleologue)], in *Chtenija po voennoj istorii* [Readings on military history]. Sbornik statej. Edited by E. V. Il'in. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2011. P. 177–183. (In Russian)